

***

*Я люблю этот город —
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть.
Он безумен, как шляпник,
разливший нечаянно ртуть.
Этот город внезапен,
но мне не в чем его упрекнуть.
Он стоит на границе —
силы света и силы тьмы.
Он немножечко рыцарь,
его горы — всего-то холмы.
Его вены, усталые вены —
потемневший асфальт дорог.
Его все обвиняют в измене,
сочиняют ему некролог.
Я люблю его, как ребенка,
не болеет ли, не озяб?*

*Как же тонко в нем все, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.
Впрочем, в тонкости тоже сила,
тоже правда и благодать.
Я заранье его простила,
если будет за что прощать.*

***

*Вот и платье на мне бабушкино,
а сережки в ушах — сестрины.
Меня дед называет Аннушкой,
остальные зовут принцессою.
Мне вчера было восемь от роду,
целых восемь, берет оторопь.
Мои серьги блестят золотом,
словно солнце зимою в оттепель.*

*Я умею словечки складывать,
нараспев читать с табуреточки.
Подпевают мне в такт ягодки —
две сережки в ушах девочки.*

*И пылит за окном улочка —
Первомайская, неизбывная.
На воротах кудахчут курочки —
диво чудное, чудо дивное.*

*И светло так над Докучаевском,
мир наполнен еще бессмертием.
На шкафу в моей детской спальне
ясно солнце — букет бессмертника.*

*Вот и платье на мне бабушкино,
а сережки в ушах — сестрины.
Меня дед называет Аннушкой,
остальные зовут принцессою.*

***

*Жизнь по осени терпкая, как хурма,
а грудная клетка карцера потеснее.
Мама, глядя мне в спину, охает: «Худорба!»
И почти не греет включенная батарея.
Жизнь по осени — испытание октябрем,
это небо прозрачно, уныло, тонко,
одинокий колодец со сломанным журавлем,
на цепи сидящая звонкая собачонка.
В этом городе осень имеет свое лицо,
никакого злата, сплошная ржавчина лихолетья,
здравствуй, дом мой, здравствуй, мое крыльцо,
здравствуй, мое вечное восьмилетье.
Здравствуй, бабушка, руки твои нежны,
пахнут хлебом, «Красной Москвой» и сказками,*

*и отсюда из осени можно дотронуться до зимы,
потрепать ее кудри седые ласково.*

*Моя бабушка носит фартук, он ей к лицу,
моя бабушка — двуязычная чародейка,
моя бабушка имя дала моему отцу,
она помнит, что рубль бережет копейка.*

*Она вяжет мне новое платье, крючкует нить,
говорит мне: «Аня, не стой в проеме!»*

*Жизнь по осени — это как будто плыть
по страницам памяти в старом фотоальбоме.*

***

*Ощущенье беды, не заметившей нас,
ощущенье, что осень приходит на час,
чтобы после пришла сероглазая стынь,
чтобы снег, как песок из сибирских пустынь, —
по глазницы дома и по грудь фонари.*

Заметет он и нас, дорогая Мари.

*Исходить на стихи — это каторжный труд,
это словно бы гнуть несгибаемый прут,
превращая его в бесконечную восьмь.*

*Как прекрасна на час приходящая осень.
Этот дождь, морозящий из сита небес,
и мне кажется, что в этой осени без
габардиновых штор и уютного пледа
не сумеют сложиться ни жизнь, ни беседа.*

*Никакое сравнение не в пользу любви,
этот город стоял и стоит на крови.
В этом городе все превращается в нуль,
если смотришь на город сквозь дымчатый тюль,
если смотришь сквозь линзу военного дела,
на сквозящую степь через крестик прицела.*

*Когда смотришь на небо совсем без светила,
сочиняй из себя, свои лучшие жилы,
словно нить шерстяную, крючкуй на узоры.
Опиши, как красивы поросшие горы,
как течет под корсетом мостов из бетона
наш израненный город, где окна в иконах,
чтобы смерти посланник — угрюмый наводчик
не сумел оборвать никакую из строчек.*

***

Кто читает все эти чертовы сводки?

*Налей мне водки, промой мои раны,
мы с тобой в подвале сидим, как в подводной лодке,
имени русой Марии, имени плачущей Анны.*

*Наша лампа-лампочка, наша маленькая лампада,
желтая, жуткая, внутриматочная спираль мира.*

*Не гляди на меня, Мария, я боюсь твоего взгляда,
помолчим, Мария, здесь каждое слово — гиря.*

*Наш подвал укромен, четыре стены и стулья,
а еще эти полки с помидорами-огурцами.*

*Нас подвал уменьшает, съезживает, сутулит,
мы становимся даже не сестрами — близнецами.
А на завтра сводки, от которых мне сводит душу,
а на завтра снова учиться ходить по краю.*

*Мы идем по улице — два морячка по суше,
мы с тобою еще ни разу не умирали.*

***

*Наши степи гуманитарные,
наши улицы вне закона.*

*Выходи, поиграем в Нарнию,
выходи, поиграем в зону.*

*Потанцуем, пройдемся под руку,
сумасшедшие — божевильные.*

*Нам и врозь не бывает холодно,
в руках у нас связь мобильная.*

*Март — разлапистый, разухабистый,
раздраженный и разреженный.*

*Мне с тобой бы бродить до старости
в нашем марте вооруженном.*

*Мне с тобою играть бы в крестики,
нет, не в крестики, лучше — в нолики.*

*Мне бы малость твоей чудесности,
мне бы крайность твоей риторики.*

*Наши степи никем не признаны,
наши улицы артобстреляны.*

*Нас дурачат из телевизора,
то мы разные, то мы целые,
то мы черные, то мы белые...*

***

*А в Донецке снова гудит земля,
словно в худшие времена,
только мама считает, что худшее впереди.*

*Дом — четыре стены, но одна стена
говорит: «Беги!»*

*Моя мама устала бояться
и устала вот так стоять,
словно вкопанная в беду.*

*Если вспять пространство
и время вспять,
то не смей подходить к окну.*

*Это зарево сызнова — не заря,
это зарево — зуб за зуб.*

*Моя мама, ни слова не говоря,
унимает дрожь, усмиряет зуд.*

*Ей давно не страшно, она — кремень,
серый памятник площадной.*

*Мама точно знает, она — мишень.
Или кто-то из нас с тобой...*

***

*Рельсы режут на две неравные половины
полуостров, что когда-то был
территорией Украины.*

*Мое Черное море с волнорезами и буями,
за тебя теперь надо рассчитывать рублями.*

*Кроме смены валюты, власти, символики,
все осталось прежним, белые колченогие столики,
торговка самсой, чебуреками, пиццей
смотрит в наши незагорелые лица,
улыбается золотом: «Приехали наконец-то!»*

А после хмурится, вспоминая, что мы из Донецка.

*Отмеряет порцию теста, кричит
в приоткрытые двери:*

«Отец, они все же приехали, а ты не верил!»

*И откуда-то из глубин их крошечного киоска
появляется дядя Эльдар в красной
мастерке Bosco.*

*Обнимаемся так, что повизгивают суставы,
«Вы к нам как? Самолетом или через паромную
переправу?»*

*Это все не важно, дядя Эльдар, это все вторично,
я смотрю на него, и глаза его татарские ежевичные
наполняются соленой водой, как на пирсе впадины,
а глаза его огромные, почти черные виноградины,
на меня глядят сквозь слезы и не могут
насытиться-наглядеться:
«Здравствуй! Здравствуй, моя смелая девочка
из Донецка!»*

* * *

*Сама не знаю, как я их пишу,
как будто и дышу, и не дышу.
И буквы, превращаясь в отпечатки,
канючат их под утро отпечатать,
передать огласке, высвободить пядь,
как будто словом можно повлиять.
Но точно можно обозначить время,
суровость быта, свист в печной трубе.
Прошу, мой свет, ни слова о войне,
ни слова про завышенную цену,
которую приходится платить,
нанизывая бусины на нить.*

*Ни слова про поджилки
и юродство,
про вечное безденежье в плену,
про то, как пустошь, топи, целину,
сверяясь по картинкам садоводства,
я еженощно превращаю в книги,
не применяя тяпки и мотыги.*

*Одни лишь пальцы, стертые к утру...
И если я когда-нибудь умру,
во что не получается поверить,
ты помни, что мои стихи, как двери,
в замочной скважине которых диск Луны
и облака донецкие видны. ■*